

ВРАТА СНОБИЗМА

Арсений Александрович Замостьянов

Одна из самых распространённых и опасных социальных болезней нашего времени — снобизм. Каждый учитель — даже в начальной школе — сталкивается с этим явлением. Броню снобизма не пробить. Психологи разъяснят, что бурное, нередко агрессивное самоутверждение — это вечный спутник детства и юности. Но сегодня снобизм, увы, поддерживается пропагандой потребления. И эта мощная индустрия штампует снобов, готовых задира́ть носы с юных лет до гробовой доски. Поэтому и джентльмены нашего времени подчас похожи на задиристых юнцов. Снобизм в России всегда космополитичен и презрителен по отношению к Отечеству — об этом мы и поведём речь.

Если верить классической литературе, нечто похожее на эту социальную болезнь общество переживало уже двести лет назад, во времена Чайльд-Гарольда. Аналогия точна лишь отчасти: то, что двести лет назад слыло феноменальным чудачеством, ныне стало нормой,

причём, на мой взгляд, вульгарной и вредной. Презрение к ближнему это не доблесть. Банально? В наш век индивидуализма, увы, приходится раскачивать колокол этой прописной истины — и бить, бить, как по случаю пожара.

Снобизм сегодня лезет во все щели — как тополинный пух в начале московского лета.

Эта лужа оказалась по уши для тысяч молодых людей в обеих столицах. И она разрастается, отвоёвывает пространство — город за городом, верста за верстой. Снобизм считается личной слабостью человека — кто без греха? Но страшно, что снобизм становится программой, знаменем целого поколения. Постсоветского поколения. Ведь раньше нельзя было «отрываться от народа», такие стремления осуждались, одёргивались, пресекались. Установки пореформенного времени, напротив, предлагают «отрываться по полной».

*Они глумятся над тобою,
Они, о Родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом чёрных хат...*

*Так сын, спокойный
и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей,*

*Глядит с улыбкой состраданья
На ту, кто сотни вёрст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.*

И.А. Бунин, 1891

древних фамилий. Перещеголять в надменности, в презрении к простолюдинам.

Со временем смысл этого понятия расширился. Современным снобам вовсе не обязательно стремиться в высший свет из низов. Среди них есть и представители почтенных династий, и элитарии нового призыва. Главное — самовлюблённая надменность, злая ирония по отношению к ближним. И народофобия, которая в наших краях неминуемо перерастает в агрессивное западничество. Русский сноб чаще всего убеждает от реальности, эстетизируя мир вышколенного сервиса и Голливуда.

Есть и другой маршрут — увлечение «Россией, которую мы потеряли», белым мифом. Презрение к русскому мужику для таких снобов не менее характерно, чем для западников. Они идеализируют Россию небывалую, Россию для аристократов, щеголяют старой орфографией (с ятями!), а от соприкосновения с реальностью скисают. И для тех, и для других «я» — это главная прописная буква. Страх и раздражение вызывает у них система ценностей, в которой было принято наставительно поучать детишек: «Я — последняя буква в алфавите!». Сноб — это всегда и прежде всего воинствующий индивидуалист.

Страстная любовь к себе и ненависть к другим умеют маскироваться. Прельщая нас, снобизм находит к каждому особый ключик, и не следует ждать от него топорной работы. Уравнение снобизма — «Я выше их». Иногда гордыня распространяется на группу людей, противопоставляющих себя презренному большинству. Такой снобизм мы наблюдаем в этике сектантов. Главный мотив — «как хороши мы и как плохи они», «ад — это другие». Основа существования и самоутверждения — не любовь к ближнему. Это страшно, что, говоря о Евангелии, они тут же могут перейти на спесивые речи против «быдла».

Уж колхозов почти не осталось на Руси, а слово «колхозник» москвичи, чаще всего новоявленные, произносят чаще, чем прежде — как ругательство, как определение «лузера», неотёсанного невежи. Нужно побольше синонимов, потому что доказывать своё превосходство перед ближними приходится часто, на разные лады. Такое поветрие — похуже свиного гриппа и лисьего тифа.

У презираемого большинства много псевдонимов — плебеи, лохи, слобода, пролетариат, чернь, совки, наконец, быдло — наиболее сильное и презрительное выражение. На моей памяти первым блеснул

словцом «быдл-класс» известный учёный, один из патрициев перестройки. Профессор, не задумываясь, вворачивал каламбур куда ни попадя. Как не покрасоваться каламбуром? Себя-то он относит к избранным меж званных, к элите.

Одна журналистка, пишущая о вечеринках и утренниках высшего света Москвы и ближнего Подмосковья, предложила детей быдл-класса ликвидировать в газовых камерах. Действительно, когда повсюду под ногами крутится чумазый пролетариат, трудно вато творить репортажи в духе тех, что читывали у Салтыкова-Щедрина: «Вчера у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву на этом волшебном празднике. Тут была и «шекснинска стерлядь золотая», и питомец лесов кавказских, — фазан, и, столь редкая в нашем севере в феврале месяце, земляника...».

Эта щедринская сатира давно перестала быть антикварной, она злободневна с тех пор, как в нищем 1993-м на телевидении появилась программа «для новых русских» под названием «Комильфо». С тех пор светские новости с собачьих свадеб и обзоры «клубной жизни» «вип-персон» стали ежедневным порционным блюдом наших наиболее популярных СМИ. Стиль «глянцевых комиксов» стал официозом нашего времени.

Стараниями гордецов разрушена система, которая не мытьём, так катаньем воспитывала человека созидającego. Не стало всеобуча, упразднён закон о тунеядстве, появились миллионщики и неимущие. В этих условиях и возникли у нас миллионы отверженных с малолетства. И теперь любимцы богов, певцы индивидуализма высокомерно взирают на агрессивных обитателей «дна», которые чумазыми лицами портят глянцевую картинку их жизни...

Снобы пестуют в себе эстетическую утончённость. Агрессия по отношению к массовой «безвкусице» заменяет для них созидание. Агрессия, взгляд свысока, ленивое менторство — для сноба это высшие ценности, других и не надобно.

Современных снобов нередко увлекает гитлеровская идеология. У них своя мифология Великой Отечественной. Им эстетически чужд русский мужик, который гнал до логова и в логове затравил «барона фон дер Пшика». Они тцатся быть европейским меньшинством в «азиопе». Как Чаадаев, как падре Печерин, как профессор Преображенский, который стал (думаю, вопреки замыслу Булгакова) образцом презрительного отношения к «простолюдинам», к братьям... Главная доблесть косметолога Преображенского — что он «не любит пролетариата» и равнодушен к судьбам детей Германии. Зато любит и умеет выпить-закусить, пристрастен к опере и комфорту. Снобы аплодируют!

А как приятно снобировать учёностью. Только необходимо найти жертву для публичного макания в грязь. С видом торжествующего инквизитора, приобщённого к высшим истинам, знаток исправляет ударение: звонИт, килоМетр... Насколько невежественнее того, кто допускает орфоэпические ошибки, выглядит этот аристарх. Мне встречались люди, не дружившие с орфоэпией, но знавшие твёрдо, что такое мудрость и благородство. А среди кичливых снобов с гладкой речью что-то не попадалось надёжных и благородных людей. Навык правильно ставить ударения, как и привычка к московскому произношению звуков «г» и «в» — чепуха на постном масле, но жрецы высокомерия стараются придать этому смысл священнодействия. Ведь они эту науку превзошли, а чернь всё ещё путается в падежах и ударениях. Вот и сияются «великодушные» поклонники профессора Преображенского подчеркнуть эту классовую разницу. *Мы стоим на высшей ступени развития! Мы правила орфоэпии впитали с молоком кормилицы!* — получается у них немного суеливо, но на молодых такие фортели производят впечатление. Изящные манеры нередко очень удачно драпируют человеческую никчёмность.

Ритуальный язык официальных речей только кажется пустым невыразительным канцеляритом. По косолапым движениям языкового официоза иногда можно угадать поступь эпохи. Вот, например, обращение «дорогие товарищи» вошло в употребление при Л.И. Брежневе, а при первых большевиках в ремарках вместо утвердившихся чуть позже «бурных, продолжительных аплодисментов» любили писать более театрально, по-революционному: «Овация». В семидесятые годы в речах пожилых вождей вдруг стали появляться слова, которые Глеб Жеглов презрительно называл «поповскими»: «милосердие» и даже «духовность». А если прошерстить речи наших государственных мужей за последние двадцать лет, сразу бросится в глаза, как боятся они слова, которое со времён Николая Первого и графа Уварова не исчезало из политического лексикона — это слово «народ». *Главная фигура умолчания нашего времени — народ.*

Можно насмеяться над званиями «народный артист», «народный художник», «народный рационализатор», поскольку к регалиям вообще не стоит относиться слишком серьёзно, чтобы не впасть в чванство. Но за нашей «табелью о рангах» стоит не худшая этика. У японцев — «национальное достояние», у англичан — антикварные рыцарские звания, а у нас — признание народа как высшая награда.

И вдруг презрение к народу стало у нас хорошим тоном... Откуда взялась эта карикатурно аристократическая этика? Как будто вернулись времена Бертраана де Борна, который с рыцарских высот взирал на простолудинов:

*Мужики что злы и грубы,
На дворянство точат зубы,
Только нищими мне любы!
Любо видеть мне народ
Голодающим, раздетым,
Страждущим, необогретьм!..
Чтоб крестьяне не жирели,*

*Чтоб лишения терпели, —
Надобно из года в год
Всех держать их в чёрном теле...*

Критик-сноб из «Вестника Европы» когда-то отозвался на публикацию «Руслана и Людмилы»: «Позвольте спросить: если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втёрся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях и закричал бы зычным голосом: *здорово, ребята!* Неужели бы стали таким проказником любоваться?». За народность бились Пушкин, Глинка, Мусоргский. Бились со снобами.

«Познакомился с Рябушинским. Убеждённый «буржуазист». Всё сделают буржуа. Пролетарии — должны быть рабами. Если кто мятежничает — убивать. Крестьяне жгут усадьбы? Перестреляйте тех, которые нападают, и сожгите сами, а не с помощью казаков, десять деревень кругом. И мужики поймут, что у вас есть право на землю...» — это записал в своём дневнике Валерий Брюсов.

А вот наш современник откликается из чёрного 1992 года. Тогда миллионы людей в распавшемся СССР стали нищими, лишились работы, здоровья, а то и крова. Блистательный брокер Андрей Инце прокомментировал ситуацию: «Социальные контрасты естественны. Нужно распрощаться с мыслью, что жизнь может быть иной. Это ложная мысль, великое заблуждение. Люди равны только в бане, потому что они все — голые. А в жизни теперь придётся кому-то довольствоваться чёрным хлебом, а кому-то — ананасами и рябчиками».

Совсем другое отношение к долгу представителя элиты предлагает Державин, больше думавший об обязанностях, чем о привилегиях дворянства:

*И впрямь, коль самолюбья леств
Не обуяла б ум надменный, —
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?*

Я князь — коль мой сияет дух;
 Владелец — коль страстьми владею;
 Болярин — коль за всех болею,
 Царю, закону, церкви друг.

Наверное, это утопическая установка. Но высокий идеал необходим для достижения даже самых скромных успехов.

Многим запомнилась останкинская встреча с академиком Лихачёвым, который в 1986-м выступил перед «многомиллионной телевизионной аудиторией». Были в том монологе академика очень пронизательные оценки. Вот, например, одно воспоминание из детства:

«Есть такой школьный термин, очень хороший — «задаваться». Вот этого не было. Это считалось неприличным. Но очень часто вне школы было невыносимо презрение аристократов к простой публике. Это я очень хорошо помню, это было очень неприятно. И вы заметьте, что Достоевский очень не любит аристократию. И Толстой не любит аристократию... Сейчас такого неравенства, такого взгляда на других свысока, каким умели некоторые и правоведа, и лицеисты отбрасывать от себя «не своё» общество, сейчас этого нет. Но боюсь, что в некоторых наших школах начинает развиваться у учащихся какое-то хвастовство своими родителями, поездками в иностранные государства своих родителей, разговорами, что они оттуда привезли, и так далее. Появляется какое-то чувство новой аристократии, это очень плохо. С этим надо бороться решительно, как это было в гимназии Мая. Там учащиеся не имели права подъезжать к гимназии на своих машинах. Сыну Митьки Рубинштейна¹ приходилось оставлять свою машину по крайней мере за два квартала до нашей школы».

Лев Николаевич Толстой, которого упомянул Лихачёв, отлупил снобизм как никто другой — потому что отлупил его в себе самом, описав, как разделял окружающих «на людей *comme il faut* и на *comme il ne faut pas* (комильфо и некомильфо. — А.З.). Второй род

¹ Митька, Дмитрий Львович Рубинштейн — крупнейший банкир, биржевой махинатор начала XX века. Во время 1-й Мировой войны подозревался в пособничестве неприятелю, некоторое время провёл за решёткой.

подразделялся ещё на людей собственно не *comme il faut* и простой народ. Людей *comme il faut* я уважал и считал достойными иметь со мной равные отношения; вторых — притворялся, что презираю, но, в сущности, ненавидел их, питая к ним какое-то оскорблённое чувство личности; третьи для меня не существовали — я их презирал совершенно. Моё *comme il faut* состояло, первое и главное, в отличном французском языке и особенно в выговоре. Человек, дурно выговаривавший по-французски, тотчас же возбуждал во мне чувство ненависти. «Для чего же ты хочешь говорить, как мы, когда не умеешь?» — с ядовитой насмешкой спрашивал я его мысленно. Второе условие *comme il faut* были ногти — длинные, отчищенные и чистые; третье было умение кланяться, танцевать и разговаривать; четвёртое, и очень важное, было равнодушие ко всему и постоянное выражение некоторой изящной, презрительной скуки. Кроме того, у меня были общие признаки, по которым я, не говоря с человеком, решал, к какому разряду он принадлежит. Главным из этих признаков, кроме убранства комнаты, печатки, почерка, экипажа, были ноги. Отношение сапог к панталонам тотчас решало в моих глазах положение человека. Сапоги без каблука с угловатым носком и концы панталон узкие, без штрипок, — это был *простой*; сапог с узким круглым носком и каблуком и панталоны узкие внизу, со штрипками, облегающие ногу, или широкие, со штрипками, как балдахин стоящие над носком, — это был человек *mauvais genre* (говоря по-русски — дурного тона. — А.З.).»

Презрение к «серому большинству» — это поза, прельщающая многих. Трудно избежать такого искушения — особенно людям успешным. Но в последние годы это совсем не великолепное презрение, увы, стало основным занятием нашей интеллигенции. Уголёк презрения —

единственная продукция, которую наша просвещённая (и продвинутая! — это очень важный эпитет) прослойка выдаёт на-гора. В ненависти к серому большинству они — Стахановы и Наполеоны. Никакого приложения к ненависти новейший интеллигентский кодекс не требует. Достаточно быть изящным синьором из общества и ненавидеть. Современный интеллигент не обязан никого просвещать, он намерен презирать — и только.

Читаем недавнее рассуждение отца Георгия Митрофанова о генерале Власове: «Трагедия Власова заключалась в том, что предателем он действительно был, но не в 1942 году, а в 1917-м, когда будучи ещё совсем молодым человеком, он сделал свой выбор, пойдя служить в Красную Армию. А в годы Второй мировой войны он попытался перестать быть предателем той России, которую он предал в годы войны Гражданской, повернув своё оружие против Сталина». Помимо того, что исторические факты подобраны здесь по правилам «хитрого покера», помимо того, что эти заявления многих из нас оскорбляют и порождают смуту, очень важно, что поверивший новой легенде про генерала Власова почти наверняка «подсядет» на тяжёлый наркотик — на иглу снобизма. Потому что поддержать эту концепцию можно только, если уж очень хочется возвыситься над «серой массой», над общепринятыми нормами, выстраданными народной судьбой. Если сладостно оказаться в рядах избранного меньшинства сверхчеловеков, освистывающих государственные святыни нескольких поколений.

Снобы охотно поддержат идею крестового похода против прошлого. Ненависть к «совкам» даётся им легко. Здесь не приходится трудиться ни душе, ни совести: ветер дует в паруса снобизма, и благополучные сверхчеловеки триумфально въезжают в широкие врата... Многие готовы семь вёрст бежать, чтобы лишний раз плюнуть в «советский» чугунок. Отомстили! Уконтрапутили! На хромой козе объехали грозную эпоху...

В подтексте лютого антисоветизма — ненависть к гегемону-слесарю, твоему соседу, который, в юности получал получку, а ты — стипендию. Да и потом ты, гордец, несмотря на диплом, не мог возвыситься над ним так, как это было возможно на цивилизованном Западе. Но уж в девяностые годы ты всласть отомстил гегемону! И в цехах, где когда-то труд облагораживал, теперь устраивают торжище. Спекуляция, ростовщичество, проституция бьют в глаза с рекламных плакатов — зато в этом бульоне сваривается не «быдло», ведь у многих отполированы ногти, дети учат иностранные языки, и все горделиво презирают совка... Советская реальность затрагивает их самолюбие. Как же, я, с большой буквы — Я! — и должен был сидеть на политинформациях с этими безликими, чужими.

Самоупоеение, увы, нередко побеждало в гниущем мире, но никогда оно не торжествовало в сердце христианина. Когда нам предлагают закрепить отрицание прошлого всенародным покаянием — становится страшновато. То, что они называют покаянием, больше похоже на себялюбивый реванш. Покаяние, которым откармливается собственное тщеславие, укрепляется снобизм. Покаяние, как очередное, на глазах у фотокамер, подтверждение своего превосходства над дедом. Покаяние хотят превратить в сеанс чванства, в инструмент себялюбия! Стыдиться за дела давно минувших дней — больно лёгкая и по-фарисейски приятная работа. Себялюбия не спрячешь. Оно в походке, в мимике, в каждом слове, в ленивой ухмылке всезнающего, не сомневающегося в своей правоте гуру, который, если судит деятелей прошлого, то не страдает, а просто глумится над ними. «Ах, какой я-сегодняшний чистенький, что могу покаяться за позавчерашних грязненьких!». И — взгляд свысока, в котором не смирение, а заносчивость. Неужели эти фальшивые бриллианты нас прельстят? **НО**